

РАННИЙ РУССКИЙ ЛИБЕРАЛИЗМ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ: ОПЫТ ОБОБЩЕНИЯ

К. И. Шнейдер

Пермский государственный национальный исследовательский университет, 614990, Пермь, ул. Букирева, 15
kshneyder@yahoo.com

Исследуются история возникновения интеллектуального феномена раннего русского либерализма и различные историографические версии его появления. В рамках политического подхода определяется персональный состав родоначальников отечественной либеральной традиции, анализируются особенности рецепции классических либеральных идей и их адаптация в неблагоприятных условиях самодержавной России, выявляются аксиологические нюансы раннелиберальной концепции через изучение дискуссии российских либералов с демократическими и консервативными оппонентами.

Ключевые слова: ранний русский либерализм, интеллектуальная история, свобода, история России, традиция, история идей, либерализм.

Ранний русский либерализм является предметом изучения интеллектуальной и политической истории России, и сегодня существует уже достаточно обширная его историография [Либерализм в России, 1996; Шелохаев, 1998, с. 26–41; Шелохаев, 2007, с. 3–17; Шнейдер, 2010, с. 177–187]. Одновременно следует отметить отсутствие в настоящее время конвенциональных условий для обсуждения проблемы генезиса отечественной либеральной традиции, так как в экспертном сообществе наблюдается принципиальное противостояние по вопросу о времени появления российского либерализма.

Когда появился ранний русский либерализм? В отечественной и зарубежной историографии существуют несколько вариантов ответа на этот вопрос. Их можно систематизировать в границах двух основных подходов – философского и политического. Первый предполагает сосредоточенность на истории восприятия в России европейского интеллектуального наследия эпохи Просвещения, а второй – на времени формирования первоначальной либеральной политической программы. В зависимости от подхода в метриках раннего русского либерализма указывают разные даты: одни исследователи говорят о конце XVIII – начале XIX в., другие настаивают на середине XIX столетия, третьи пытаются обосновать версию его становления во второй половине XIX и даже в начале XX в.

Наиболее интересной и перспективной, на наш взгляд, является гипотеза о том, что в пространстве отечественной общественной мысли в середине 1850-х – 1860-е гг. возник интеллектуальный феномен раннего русского либерализма благодаря деятельности его основателей – П.В. Анненкова, И.К. Бабста, В.П. Боткина, А.В. Дружинина, К.Д. Кавелина, Е.Ф. Корша и Б.Н. Чичерина. Критериями их отнесения к ранним русским либералам могут быть

- самоидентификация в качестве либералов;
- рецепция идейного наследия и практического опыта западного либерализма;
- разработка отечественной программы либерального развития общества;
- критическое отношение к радикализму и консерватизму;
- восприятие их идейных позиций оппонентами «слева» и «справа».

Персональный состав отцов-основателей раннего русского либерализма требует некоторых пояснений. Отнесение тех или иных фигурантов к этой когорте зависит от критериев, которыми руководствуется исследователь. В данном случае следует поддержать мнение известного отечественного эксперта В.А. Китаева о том, что начинать надо «с элементарного – с установления факта бесспорности и устойчивости либеральных взглядов у претендента на место в истории отечественного либерализма». Кроме того, должна иметь место «та или иная публичная, общественно значимая форма выявления либеральной позиции». Историческая ценность мыслителя «определяется тем, удалось ли ему сыграть заметную роль в защите и развитии принципов либерализма, строительстве либеральных институтов или занять видное место в

либеральном
[Китаев, 2008, с. 347].

движении»

Появление раннего русского либерализма стало результатом концептуализации классического либерального наследия европейского образца в неблагоприятных условиях господства традиционалистских ценностей и автократической политической практики, что определило характер и содержание многочисленных особенностей раннелиберальной конструкции.

Вместе с тем программа раннего русского либерализма явилась итогом длительного периода рецепции либеральных идей и их распространения в образованной части русского общества. Главная роль в этом процессе принадлежала теории и практике «просвещенного самодержавия» начиная с эпохи императрицы Екатерины II и заканчивая царствованием Александра II. Основоположники раннего русского либерализма воспользовались содержательным опытом предшествовавшего этапа интеллектуальной рефлексии в отечественной общественной мысли по поводу исторических и аксиологических достоинств западного либерализма, получив уникальный шанс во время подготовки и проведения Великих реформ в России представить законченную версию национально адаптированного либерального манифеста.

Взгляды ранних русских либералов пересекались в интеллектуальном пространстве либерального сегмента поля производства идей в середине XIX столетия. В раннелиберальном дискурсе присутствовали и сакрализировались ценности классического западного либерализма. Свобода, индивидуализм, собственность сами по себе играли эталонную роль в моделировании идеально-типической картины мира в интеллектуальной риторике отечественных либералов. Каждый из них не раз публично приносил клятву верности либеральному катехизису, предпочитая его другим идейным манифестам. Иначе говоря, когда обсуждались историософские вопросы цивилизационного пути развития общественных систем, соотношения прогресса и регресса в социальной динамике или выбирались существующие образцы для подражания в ближайшей исторической перспективе, ранние русские либералы выступали последовательными адептами либеральной аксиологической «классики» в «чистом» виде.

Параллельно с этим предлагались теоретические версии ее «приживления» в местных условиях, и тогда уже возникали иные конструкции, серьезно отличавшиеся от привычных канонических вариантов. Таким образом, следует различать процесс восприятия ранними русскими либералами западного либерального опыта, с одной стороны, и попытки его концептуального осмысления с целью интеграции в национальную традицию, с другой стороны. Такой дифференцированный подход поможет как «защитить» основоположников отечественного либерализма от разнообразных и необоснованных сомнений в их идейной принадлежности, так и предметно объяснить нюансы и особенности первоначальной либеральной доктрины.

Немаловажным обстоятельством является и то, каким образом были восприняты и использованы итоги деятельности ранних русских либералов теми, кто впоследствии уже «оживил здание» отечественной либеральной традиции. Есть все основания утверждать, что ни одно из либеральных течений в России второй половины XIX – начала XX в. не избежало серьезного влияния, например, концепции «охранительного либерализма» Чичерина. Русский конституционализм, к которому Чичерин пришел не сразу, тем не менее обязан ему своим теоретическим осмыслением и практическим воплощением в очень непростых политических реалиях. Именно Чичерин наполнил либеральным, в том числе конституционным, содержанием инструментальную модель «просвещенного самодержавия», придав ей сбалансированность и способность к дальнейшему общественному обновлению.

Одновременно специалистам не следует игнорировать тему очевидных и многочисленных особенностей раннего русского либерализма. Речь идет в первую очередь о его консервативной составляющей, наиболее заметной в той же концепции «охранительного либерализма» Чичерина, позволяющей поставить под сомнение даже его либеральную ориентацию. Однако можно согласиться с А. Валицким [Walicki, 1987], доказавшим в своем классическом труде принадлежность Чичерина к русскому либерализму, опираясь, в частности, на его ранние работы. В дальнейшем Чичерин успешно доработал основные положения «просвещенного самодержавия», соединив в новой конструкции «охранительного либерализма» классические либеральные ценности и национальную политическую среду.

Ранний русский либерализм стал своеобразной теоретической вершиной концепции

«просвещенного самодержавия», оказавшейся удачной формой для существования и развития либеральных ценностей в условиях самодержавной России. Именно этим обстоятельством объясняется наличие мощного консервативного заряда в раннем русском либерализме. Не исключено, что как раз консервативная составляющая в значительной степени способствовала формированию отечественного конституционализма во второй половине XIX в. и укреплению еще очень хрупкой либеральной традиции.

В таком же режиме требуется исследовать и интерпретировать конкретные особенности раннего русского либерализма, в частности, неприятие демократии, которая ассоциировалась у отцов-основателей русского либерализма с радикализмом и диктатурой масс, или признание Кавелиным необходимости сохранения крестьянской общины, амортизированной, по его мнению, негативные социальные последствия прорыва деревни к тотальному рынку, наконец, аристократизм и элитизм мировоззрения русских либералов, мечтавших о цивилизаторской роли дворянства в России.

Ранний русский либерализм концептуально вырос из умеренного западничества 1840-х гг., допускавшего сосуществование либеральных и демократических идей с монархическими и державными интенциями. У экспертов не вызывает сомнений принципиальный антиконсервативный пафос западной мысли, но, размышляя над русской историей, они все более склонялись к признанию необходимости централизованной политической власти. Приветствуя в России великую державу, «западники стояли гораздо ближе к Погодину, чем к славянофилам, причем это касается не только Редкина, развивавшего теорию государственного права на гегельянской основе, не только Грановского и Кавелина, приветствовавших централизаторскую политику Карла Великого, Людовика XI или даже Ивана Грозного, но и Белинского...» [Шукин, 2001, с. 152].

Попытки либерально мыслящих западников «примерить» на Россию модный европейский костюм непременно заканчивались этатистскими декларациями. Что же тогда говорить о ранних русских либералах, которые ставили перед собой задачу преобразовать европейский тренд в развернутую целостную политическую программу. С одной стороны, отечественные либералы середины XIX в. учились русской истории по книгам Н.М. Карамзина и хорошо усвоили содержание и роль государственнической традиции. А с другой стороны, в тот период в любых проектах либерального обновления российского общества просто невозможно было не учитывать специфики самодержавного режима.

Интересной представляется мысль о возникновении раннего русского либерализма на пересечении либерального и консервативного полей. Умеренное западничество на протяжении своего существования в 1840-е гг. наряду с базовыми либеральными ценностями не отвергало применительно к России идеи сильного государства, монархии, традиционной веры. Либеральные западники «допускали возможность и даже полезность традиционной религиозной веры в плане психологическом, как насущную потребность конкретной, отдельно взятой личности – но не общности людей» [Шукин, 2001, с. 198].

Западники, противостоявшие в первую очередь славянофилам, использовали консервативные вербальные символы, но обязательно подвергали их концептуальной рационализации для соединения с либеральными идеями. Это был ответ на своеобразный интеллектуальный вызов времени, потребовавший осмыслить развитие либеральной мысли в условиях отечественной самодержавной политической системы. Таким образом, ранние русские либералы, стремившиеся сформулировать в середине XIX столетия политическую программу, опирались на уже существовавшую в их среде традицию обращения к консервативной аксиологии.

Феномен раннего русского либерализма являлся одновременно следствием персональной рефлексии по поводу социальной реальности и результатом ее творческого конструирования, в ходе которого появлялось новое знание об обществе. В соответствии с известными положениями социологии знания П. Бергера и Т. Лукмана, чтобы понять состояние социально сконструированного универсума «в любое данное время или его изменения во времени, следует понять социальную организацию, позволяющую тем, кто определяет реальность, заниматься этим. Грубо говоря, важно передвинуть вопросы об исторически наличных концептуализациях реальности с абстрактного "что?" к социологически конкретному "кто говорит?" [Бергер, Лукман, 1995, с. 190]. В конечном счете предполагается не столько выяснение авторства отечественной

раннелиберальной концепции, сколько объяснение специфики того интеллектуального пространства, в котором она появилась.

Своеобразный «рынок идейной продукции» всегда подвержен исторической и политической конъюнктуре, которая по-разному проявляется в тех или иных этапах социального проживания. Эпоха Великих реформ в России впервые практически легитимировала присутствие в этом «рыночном пространстве» рационалистически созданных либеральных утопий, трансцендентных бытию, но имевших преобразовательный мотив и потенциал по отношению к окружающей действительности.

Развитие либерального сегмента поля производства идей в России в середине XIX в. определялось способностью к теоретической репрезентации либеральной идеи в модели перспективного движения российского социума в неблагоприятных для этой цели политических условиях. В данный период русский консерватизм, будучи главным соперником либералов в борьбе за аутентичное знание национальных интересов, уже представил свою знаменитую формулу «Православие, Самодержавие, Народность», более близкую и понятную власти. Ранние русские либералы должны были ответить на интеллектуальный вызов «справа», воспользовавшись историческим шансом политики либерализации на рубеже 1850-х и 1860-х гг., полученным накануне и в начале проведения Великих реформ.

«Производство» отечественной либеральной модели в середине XIX столетия изначально происходило при активном вторжении либералов в пространство конкурирующей консервативной мысли. Основоположники русского либерализма использовали плодотворный опыт умеренных западников 1840-х гг., сочетавших либеральные и консервативные ценности. Кроме того, либералы стремились продемонстрировать верховной власти возможности и перспективы расширения концепции «просвещенного самодержавия» за счет наполнения ее классическим либеральным содержанием, адаптированным к местным особенностям и сохранявшим связь с традицией.

Конкурентоспособность ранних русских либералов зависела как от их готовности убедить политическую элиту в целесообразности своих предложений, так и от их искусства теоретически преодолеть любые пагубные последствия реформаторства и предотвратить неадекватные радикальные попытки нарушения статус-кво. Неудивительно, что в русском либерализме середины XIX в. присутствовали только тренды с ярко выраженной консервативной составляющей – «народнический» Кавелина и «охранительный» Чичерина.

Великие реформы 1860-х – 1870-х гг., по мнению ранних русских либералов, стали новой точкой цивилизационного роста в продолжавшемся процессе европеизации России. В данной ситуации либералы больше всего опасались демократических вызовов «слева» и ультраконсервативной реакции на изменения «справа». Тот же Чичерин призывал к активному противодействию любым безрассудным требованиям анархического содержания. В среде отечественных либералов середины XIX в. ему удалось создать такой образ социальной реальности, в котором учитывались, с одной стороны, потенциальные достижения преобразовательной политики верховной власти, а с другой – скудость национальных условий для саморазвития. Он считал, что прежде всего необходимо утвердить незыблемость либеральных начал в русской жизни и только затем перейти к их последующему развитию.

Ранний русский либерализм уже в период своего становления являлся сильным интеллектуальным раздражителем для оппонентов «слева» и «справа». Если демократическая критика нередко требовала от либералов радикального разрыва со старой действительностью и смелых шагов в будущее, то консерваторы упрекали их в пренебрежении к традициям и национальным интересам, а также в слепом следовании европейским стандартам развития.

По своим базовым характеристикам ранний русский либерализм может быть вписан в континентально-европейскую либеральную традицию. Поиск близких интеллектуальных союзников приведет отцов-основателей отечественной либеральной традиции скорее всего во Францию, которая являлась для многих из них образцом. Наибольшее сходство обнаруживается между положениями концепции «охранительного либерализма» Чичерина и некоторыми позициями мировоззренческой доктрины Б. Констан. Они касаются свободы личности в ее разнообразных проявлениях, первостепенности гражданской свободы по отношению к свободе политической, предоставления избирательного права на основе имущественного ценза, права собственности, аристократизма. Констан оставался приверженцем сакрального института монархии

и утверждал: «Монарх располагается в башне, которая стоит особняком и является священной; она не доступна ни вашим взглядам, ни вашим сомнениям. Монарх не имеет ни намерений, ни слабостей, он не может быть заодно с министрами потому, что он не является человеком, это – нейтральная и абстрактная власть, которая выше всех мирских бурь» [Классический французский либерализм, 2000, с. 106]. Следует отметить его предпочтения в пользу земельной собственности в сравнении с промышленной, как и в рассуждениях Кавелина.

Ранний русский либерализм претендует на статус уникального интеллектуального феномена в большом «либеральном семействе». В нем причудливо переплелись идеи европейского Просвещения и этатизм отечественной исторической традиции, элитизм и правовой центризм, прогрессизм и неприятие демократии с конституционализмом, экономическая свобода и апология общины, эстетический снобизм и толерантное отношение к другому мнению. Проще всего объявить русский либерализм середины XIX столетия «ненастоящим», сославшись на его несхожесть с западным, каноническим, образом. Но в таком случае акцент в исследовании генезиса национальной либеральной традиции будет перенесен со сферы изучения ее особенностей на пространство бесполезного поиска очередного либерального клона.

Вообще «понятие не определяет ничего, что было бы подвержено точной дефиниции, оно лишь указывает на способы отношения одной группы людей к ряду предметов, слабая взаимосвязь которых напоминает в лучшем случае фамильное сходство. То, как они относятся друг к другу и к миру, в большой мере определяется самой историей» [Гойс, 2010, с. 7].

Библиографический список

- Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. М., 1995. 323 с.
- Гойс Р.* Неуют либерализма // Неприкосновенный запас. 2010. № 5. С. 3–25.
- Китаев В.А.* XIX век: пути русской мысли. Н. Новгород, 2008. 355 с.
- Классический французский либерализм: сб. М., 2000. 592 с.
- Либерализм в России. М., 1996. 451 с.
- Шелохаев В.В.* Русский либерализм как историографическая и историософская проблема // Вопросы истории. 1998. № 4. С. 26–41.
- Шелохаев В.В.* Дискуссионные проблемы истории русского либерализма в новейшей отечественной литературе // Вопросы истории. 2007. № 5. С. 3–17.
- Шнейдер К.И.* Ранний русский либерализм в отечественной и зарубежной историографии // Российская история. 2010. № 4. С. 177–187.
- Щукин В.Г.* Русское западничество: генезис – сущность – историческая роль. Lodz, 2001. 367 с.
- Walicki A.* Legal Philosophies of Russian Liberalism. Oxford, 1987. 477 p.

Дата поступления рукописи в редакцию 08.06.2016

EARLY RUSSIAN LIBERALISM IN NATIONAL INTELLECTUAL TRADITION: THE EXPERIENCE OF GENERALIZATION

K. I. Shneider

Perm State University, Bukirev str., 15, 614990, Perm, Russia
kshneyder@yahoo.com

The paper examines the formation of the intellectual phenomenon of early Russian liberalism and various historiographical versions of its genesis. Within the framework of political approach, the author defines personal composition of the founders of Russian liberal tradition, analyzes the reception of classical liberal ideas and their adaptation to the adverse conditions of autocratic Russia, reveals the nuances of early liberal concept through the study of Russian liberals' discussions with their democratic and conservative opponents. Kavelin and Chicherin were acknowledged leaders and founders of national liberal tradition. However, there was also a second line of early Russian liberals, such as Annenkov, Babst, Botkin, Druzhinin, Korsch, who formulated political, economic and socio-cultural postulates of Russian initial liberal doctrine. The phenomenon of early Russian liberalism includes not only an apology of classical liberal values, such as freedom, individualism, property, but also the elements of conservative axiology – monarchism, elitism, and etatism, due to the process of adaptation of the well-known European ideas to the political

conditions of Russia of the mid-19th century. The proposed text considers early Russian liberalism as a particular historical narrative, where all sufficient academic interpretive models are constructed.

Key words: early Russian liberalism, intellectual history, freedom, history of Russia, tradition, history of ideas, liberalism.

References

- Berger P., Lukman T.* Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti: traktat po sotsiologii znaniya. M., 1995. 323 c.
- Goys R.* Neuyut liberalizma // Neprikosnovenny zapas. 2010. № 5. S. 3–25.
- Kitaev V.A.* XIX vek: puti russkoy mysli. N. Novgorod, 2008. 355 c.
- Klassicheskiy frantsuzskiy liberalizm: sb. M., 2000. 592 c.
- Liberalizm v Rossii. M., 1996. 451 c.
- Shchukin V.G.* Russkoe zapadnichestvo: genezis – sushchnost' – istoricheskaya rol'. Lodz, 2001. 367 s.
- Shelokhaev V.V.* Diskussionnye problemy istorii russkogo liberalizma v noveyshey otechestvennoy literature // Voprosy istorii. 2007. № 5. S. 3–17.
- Shelokhaev V.V.* Russkiy liberalizm kak istoriograficheskaya i istoriosofskaya problema // Voprosy istorii. 1998. № 4. S. 26–41.
- Shneyder K.I.* Ranniy russkiy liberalizm v otechestvennoy i zarubezhnoy istoriografii // Rossiyskaya istoriya. 2010. № 4. S. 177–187.
- Walicki A.* Legal Philosophies of Russian Liberalism. Oxford, 1987. 477 p.